

оригинальная статья

Архивное наследие М. К. Кадырбаева как источник по изучению каменных изваяний Казахстана

Ермоленко Любовь Николаевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>
Scopus Author ID: 23484778000
lyubov.ermolenko@mail.ru

Касенова Асемгуль Дауреновна
Институт археологии имени А. Х. Маргулана,
Казахстан, Алматы
<https://orcid.org/0000-0002-8401-6610>

Курманкулов Жолдасбек Курманкулович
Институт археологии имени А. Х. Маргулана,
Казахстан, Алматы
<https://orcid.org/0000-0003-0605-2429>
Scopus Author ID: 55759544700

Поступила в редакцию 31.08.2022. Принята после рецензирования 30.09.2022. Принята в печать 13.03.2023.

Аннотация: Статья основана на анализе результатов экспедиционных изысканий известного казахстанского и советского ученого Мира Касымовича Кадырбаева (1932–1982). На протяжении практически всей своей деятельности в составе и во главе Центрально-Казахстанской экспедиции (ЦКАЭ) М. К. Кадырбаеву доводилось изучать памятники монументальной скульптуры. В период его руководства ЦКАЭ исследование изваяний и относящихся к ним сооружений, хотя и осуществлявшееся спорадически, было одним из направлений работ экспедиции. Неопубликованное научное наследие М. К. Кадырбаева, представленное документальными материалами полевых работ 1955–1979 гг. на территории Центрального Казахстана, использовано в статье как источниковедческий ресурс, необходимый для решения актуальной задачи уточнения состава древних и средневековых изваяний на территории Казахского мелкосопочника. В архивной документации выявлены данные об изученных исследователем в процессе экспедиционной деятельности восьми каменных изваяний и сооружений, в составе которых они находились. Введенные авторами статьи в научный оборот памятники, ранее неопубликованные либо представленные в публикациях рисунками и / или нечеткими фотографиями, не сопровождающимися описаниями в тексте, дополнили корпус каменных изваяний разных эпох (сакской, древнетюркской, кыпчакской), выявленных до сих пор в Казахском мелкосопочнике. Авторами осуществлена атрибуция изваяний и связанных с ними сооружений в соответствии с современным уровнем научных знаний. Документированные М. К. Кадырбаевым в прошлом веке изваяния в большинстве случаев без затруднений дифференцируются по морфологическим и иконографическим признакам. Кроме изобразительных характеристик изваяний предложенная в статье культурно-хронологическая атрибуция памятников учитывала конструктивные особенности сооружений, в составе которых они находились. В результате пересмотра средневековой датировки изваяния из кургана Бесоба увеличилось количество известных специалистам немногочисленных изваяний сакской эпохи, относимых к тасмолинской культуре. Введен в научный оборот оригинальный памятник из урочища Косбеит, не имеющий строгих аналогий в опубликованных материалах, но, возможно, являющийся кыпчакским святилищем. В связи с характеристикой памятников, изученных М. К. Кадырбаевым или по его инициативе сотрудниками Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, обсуждены некоторые вызывающие затруднение или дискуссионные вопросы современной науки. К ним, в частности, принадлежат обоснованность соотнесения изваяний без признаков пола с изображениями женщин, проблема скрытых половецких святилищ, которую определенные исследователи пытаются решить без учета данных об аналогичных памятниках кыпчаков и др. Проведенные аналогии с новыми материалами и экскурсии в сопряженные проблемы современного изучения скульптуры древних и средневековых кочевников Евразии, предпринятые при рассмотрении памятников, документально зафиксированных в 1950–1970-х гг., явились попыткой использования этих источников в исследовательском процессе.

Ключевые слова: каменное изваяние, М. К. Кадырбаев, кочевническая скульптура, ранний железный век, Средневековье, Центральный Казахстан

Цитирование: Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. Архивное наследие М. К. Кадырбаева как источник по изучению каменных изваяний Казахстана. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 402–415. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-402-415>

full article

M. K. Kadyrbaev's Archive as a Source for Studying the Stone Monuments of Kazakhstan

Lyubov N. Ermolenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

Scopus Author ID: 23484778000

lyubov.ermolenko@mail.ru

Asemgul D. Kasenova

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology,

Republic of Kazakhstan, Almaty

<https://orcid.org/0000-0002-8401-6610>

Zholdasbek K. Kurmankulov

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology,

Republic of Kazakhstan, Almaty

<https://orcid.org/0000-0003-0605-2429>

Scopus Author ID: 55759544700

Received 31 Aug 2022. Accepted after peer review 30 Sep 2022. Accepted for publication 13 Mar 2023.

Abstract: The article describes the unpublished archives collected by M. K. Kadyrbaev from his field work in Central Kazakhstan in 1955–1979. It provides information on eight stone statues and structures. The authors attributed and dated them in line with the contemporary rules of archeology. One of the statues appeared to belong to the Saka period of the Tasmola culture. Another monument had no obvious analogies but, possibly, was part of a Qipcaq sanctuary. The authors also touched upon some challenging or debatable issues raised by M. K. Kadyrbaev and other expedition members, e.g., the validity of correlating statues without signs of sex with images of women; the secret Polovtsian sanctuary, which have to be studied in the context of similar Qipcaq sites, etc.

Keywords: stone statue, M. K. Kadyrbaev, nomadic sculpture, the Early Iron Age, the Middle Ages, Central Kazakhstan

Citation: Ermolenko L. N., Kasenova A. D., Kurmankulov Zh. K. M. K. Kadyrbaev's Archive as a Source for Studying the Stone Monuments of Kazakhstan. *SibScript*, 2023, 25(3): 402–415. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-402-415>

Введение

Археологическое наследие ввиду его уязвимости, не вечности, исчерпаемости требует сохранения, выявления и изучения. В этой связи остается актуальным обращение к неопубликованным материалам полевых исследований (как и к остаткам раскопанных в прошлом памятников). Примером может стать работа А. Е. Рогожинского об оленем камне, обнаруженном им в отвале раскопа одного из сооружений могильника Каракудук II (раскопки А. Г. Максимовой 1957 г.) [Рогожинский 2001].

Настоящая статья основана на анализе результатов экспедиционной деятельности известного казахстанского и советского ученого Мира Касымовича Кадырбаева (1932–1982). Его научное наследие многогранно и включает публикации по проблемам археологии разных эпох – от бронзы до Средневековья, но преимущественно по археологии ранних кочевников. В источниковедческом отношении представляют ценность неопубликованные полевые материалы

исследователя, в частности, для решения актуальной задачи уточнения состава древних и средневековых изваяний на территории Казахского мелкосопочника.

Изучением изваяний М. К. Кадырбаев занимался с середины 1950-х до начала 1980-х гг. в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) сначала как участник экспедиции, а затем (с 1975 г.) как ее руководитель, преемник А. Х. Маргулана. Впервые М. К. Кадырбаев принял участие в работах ЦКАЭ в полевом сезоне 1955 г. В этом году он окончил Ленинградский государственный университет и как молодой специалист был зачислен на должность старшего лаборанта ЦКАЭ.

Полевой дневник М. К. Кадырбаева за 1955 г. хранится в архиве Института археологии им. А. Х. Маргулана¹. Описания некоторых полевых работ в нем сопровождаются схематическими рисунками, выполненными исследователем. В дневнике содержатся сведения о четырех изученных ЦКАЭ каменных изваяниях.

¹ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1955 г. *Архив Института археологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан* (Архив ИА КН МОН РК). Ф. 1. Д. 341. 24 л.

Изваяние из насыпи кургана Бесоба

(Каркаралинский район Карагандинской области)

Согласно записи в дневнике М. К. Кадырбаева, курган находился примерно в одном километре к юго-западу от (аула?) Бесоба, однако в Археологической карте Казахстана (далее – АКК) приводится иная информация о расположении кургана: «на левом берегу р. Нуры, к северо-востоку от с. Бесоба»². Другим карандашом и другим почерком в дневнике дописана (очевидно, А. Х. Маргуланом) фраза: «на реке Нура». Размеры частей сооружения указаны на схематическом плане, нарисованном в дневнике³ (рис. 1).

Каменная насыпь имела диаметр 20,4 м, ее высота не отмечена, М. К. Кадырбаев ограничился предположением, что камни из насыпи были выбраны для строительных нужд. В АКК⁴ между тем указаны диаметр кургана 20 м и высота 1,20 м. Насыпь окружена оградой – кольцевидной каменной выкладкой диаметром 29 м, шириной 1,30 м. Между насыпью и оградой выявлены два объекта, сооруженных из камня: в северо-восточном секторе – небольшой курган диаметром 6 м, а на восточном участке – прямоугольная конструкция, которую М. К. Кадырбаев назвал «тамбуром» (проходом). Размеры конструкции не указаны, равно как и высота малого кургана. Следует заметить, что диаметр упомянутого кургана вдвое превышает отмеченное на плане расстояние между насыпью и оградой – 3 м.

При снятии западной половины насыпи на глубине 0,70 м от уровня ее поверхности было обнаружено каменное изваяние⁵. Относительно расположения изваяния в дневнике также сообщается, что оно найдено в центральной части кургана. Более детальная информация приводится в коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» (1966). Во Введении, написанном А. Х. Маргуланом, сообщается, что изваяние находилось к северу от «погребальной камеры» и лежало головой на запад [Маргулан и др. 1966: 40]. Согласно данным дневника М. К. Кадырбаева, прямоугольная могильная яма, которая не содержала ничего кроме камней, была выявлена на глубине 1,20 м от поверхности насыпи. Вероятно, яма прослеживалась до глубины 2,10 м от поверхности насыпи (если так можно

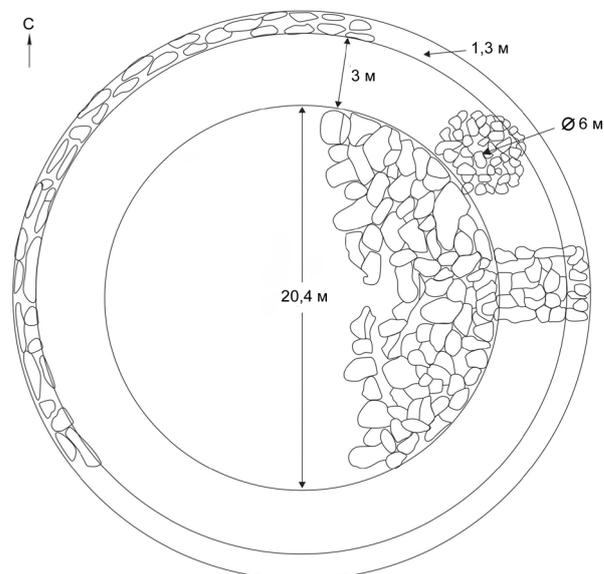

Рис. 1. План кургана с изваянием. Бесоба. Схематический рисунок М. К. Кадырбаева

Fig. 1. A mound with a statue in Besoba: a sketch made by M. K. Kadyrbaev

истолковать приписку, которую М. К. Кадырбаев сделал в конце описания процесса раскопок кургана: «Общая глубина 2,10 м»). Могильная яма была ориентирована по линии *запад – восток*⁶. Отсутствие каких-либо следов погребения исследователь объяснил ограблением кургана. Сведений о структуре и содержимом двух каменных сооружений, примыкающих к восточной половине насыпи (небольшого кургана и «тамбура»), в дневнике нет.

Приступая к раскопкам, М. К. Кадырбаев визуально определил памятник как «раннекочевнический»⁷. Вероятно, сказался опыт, полученный в студенческие годы, когда он участвовал в работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции (ВКАЭ) во главе с С. С. Черниковым [Бедельбаева 2019: 47]. Так, в составе одного из отрядов ВКАЭ студент Мир Кадырбаев раскапывал курганы у с. Юпитер [Максимова 1998: 10], среди которых был и курган эпохи раннего железа⁸.

² Археологическая карта Казахстана. Реестр, сост.: Е. И. Агеева, К. А. Акишев, Г. А. Кушаев и др. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 155. № 2222.

³ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 19. Рис. 19.

⁴ Археологическая карта Казахстана. Реестр... С. 155. № 2222.

⁵ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 20.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Археологическая карта Казахстана. Реестр... С. 127. № 1781.

Хотя датирующих материалов в кургане Бесоба не оказалось, молодой исследователь не ошибся в определении хронологии. Подобная конструкция, включающая насыпь и превышающую ее по размерам ограду (круглую или прямоугольную), по мнению А. З. Бейсенова, является разновидностью курганов тасмолинской культуры [Бейсенов 2021а: 262; Бейсенов и др. 2017: 67]. Такие курганы известны и на территории Каркаралинского района [Бейсенов, Касеналин 2018: 98]. Например, в курганах аналогичной конструкции могильника Назар-2 погребальные камеры также ориентированы по линии *запад – восток*, на восток от них отходит дромос [Бейсенов 2016: 85]. Хотя дромос в бесобинском кургане не выявлен, сооруженный на востоке «тамбур» мог иметь значение переходного участка на пути из мира живых в мир умерших.

Найденное в насыпи изваяние было высечено из прямоугольной глыбы розового гранита. М. К. Кадырбаев указал только его длину (0,83 м) и толщину (0,17 м), не отметив ширину. В дневнике изваяние не нарисовано. Рисунок изваяния «три четверти», вероятно, выполненный художником (В. Авдеевым?), имеется в архивных материалах ЦКАЭ (рис. 2).

Изваяние представляет собой погрудное изображение человека. Глаза намечены углублениями, прямоугольный нос, очевидно, передан барельефом, рот – прямым узким желобком. Голова несимметрично сужается к макушке. Стилистически подобное воспроизведение глаз и носа зафиксировано на нескольких изваяниях, относимых к раннему железному веку (к тасмолинской культуре, по А. З. Бейсенову). Это изваяния из кургана 2 могильника Бегазы, из кургана 7 могильника Талды-2, из могильника Байдалы, с насыпи кургана Жиланды [Бейсенов, Ермоленко 2014: рис. 2–5], из кургана № 1 могильника Кызылжаргас [Бейсенов 2021а: рис. 9, 1а, 2а, 3б]. Многие из перечисленных изваяний имеют «шишкообразный» выступ на макушке. Следует добавить, что продольный размер изваяния из кургана Бесоба соответствует обычной длине изваяний с «шишкообразной» деталью [Ермоленко и др. 2016: 133].

Ввиду обстоятельств находки и приведенных изобразительных аналогий изваяние из кургана Бесоба может

быть памятником раннего железного века, а не раннего Средневековья, как предположил А. Х. Маргулан. Датировку бесобинского изваяния А. Х. Маргулан обосновал его морфологическим сходством со средневековыми скульптурными изображениями: «По форме оно напоминает женские изваяния центрального Казахстана VI–VIII вв.» [Маргулан и др. 1966: 40]. Вероятно, под формой подразумевались стеловидность самого изваяния и оформление верха его головы, моделирующее некий головной убор. Кстати, подобным образом А. З. Бейсенов предположил, что одно из тасмолинских изваяний (№ 3), найденных в кургане № 1 могильника Кызылжаргас, изображает женщину. При этом исследователь исходит главным образом из ассоциации уплощенного выступа на макушке изваяния

с (каким-то) женским головным убором, принимая также во внимание «небольшие размеры и изящество исполнения» [Бейсенов 2021а: 271]. А. З. Бейсенов оправданно осторожен в своем предположении, поскольку ассоциация с женским головным убором им не аргументирована (в отличие от убедительного обоснования связи форм «шишкообразного» выступа на головах изваяний с вариантами традиционной прически [Бейсенов 2021b: 38, 39]). Что касается размера и исполнения, то эти доводы были бы значимы в случае уверенности в том, что все четыре изваяния создавались как ансамбль. Однако, судя по тому, что по крайней мере три изваяния употреблены как строительный материал (два в крепиде и одно в стене дромоса), в конструкции кызылжаргасского кургана они использованы вторично. А. З. Бейсенов допустил, что изваяния могли быть атрибутом обряда, проходившего до завершения строительства погребального сооружения, в котором они впоследствии нашли применение в качестве каменных блоков [Бейсенов 2021а: 269]. Между тем изваяния могли происходить из различных мест и попасть в конструкцию кургана по той же причине, по которой такие памятники оказывались в каменных кладках поздних и современных построек, в том числе намогильных сооружений: из-за того, что воспринимались строителями как «дикий» камень. Впрочем, любая из этих версий требует доказательств.

Рис. 2. Изваяние из кургана Бесоба
Fig. 2. A statue from the Besoba mound

Изваяния из Баянаула (Жумырткалы коль)

Сведения об изучении «трех каменных изваяний с балбалами» приводятся в дневнике М. К. Кадырбаева при описании работ в Баянауле Павлодарской области после сообщения о переезде участников экспедиции «в Жумырткалы-Куль» (топоним в передаче М. К. Кадырбаева). Изваяния были найдены в 4 км к северо-востоку от фермы, принадлежавшей колхозу имени Первого Мая⁹. Здесь, в окруженной увалами долине, находилось множество разновременных погребальных сооружений.

В дневнике М. К. Кадырбаева содержатся рисунки двух изваяний – погрудного и поясного, происходивших из разных комплексов¹⁰. Еще одно разрушенное изваяние, по данным исследователя, находилось рядом с погрудным. Можно предположить, что погрудное и разрушенное изваяния были связаны с комплексом, в который входило не менее двух оградок.

М. К. Кадырбаев зафиксировал размеры погрудного изваяния, изображающего мужскую голову: 1,40 м (длина) × 0,40 м (ширина) × 0,13 м (толщина). На рисунке в дневнике оно воспроизведено неточно, что становится очевидным при сравнении с (ретушированной?) фотографией, опубликованной в четвертом томе Сочинений А. Х. Маргулана [Маргулан 2003: ил. 122]. В архивных материалах имеется еще

один, более техничный по сравнению с кадырбаевским, но также приблизительный рисунок этого изваяния (рис. 3).

Оно изображено стоящим наклонно возле древнетюркской оградки; в пояснительной надписи указано, что это «каменное изваяние у четырехугольной оградки с балбалами». Сличив оба графических воспроизведения изваяния с фотографическим, можно описать его детали: на широком лице с крупным острым подбородком изображены овальные (или округло-овальные) глаза, нос с намеченными крыльями, длинные, почти горизонтальные слабоизогнутые усы, образующие слитный барельеф с губами, разделенными углублением рта, и клиновидной бородкой под нижней губой. Бородка передана на рисунках, но не видна (не усилена ретушью?) на фотографии. Такой элемент мужской внешности, как бородка (треугольная, в форме полоски, каплевидная), встречается преимущественно в иконографии древнетюркских изваяний на территории Семиречья, южных областей Сарыарки и Саяно-Алтая; причем отмечен аналогичный способ передачи соединенных усов, губ и бородки [Ермоленко, Курманкулов 2012: табл. 1, 8, 17, 33]. Линии бровей отображены только на рисунке М. К. Кадырбаева, так что удостовериться в их наличии можно лишь осмотрев изваяние.

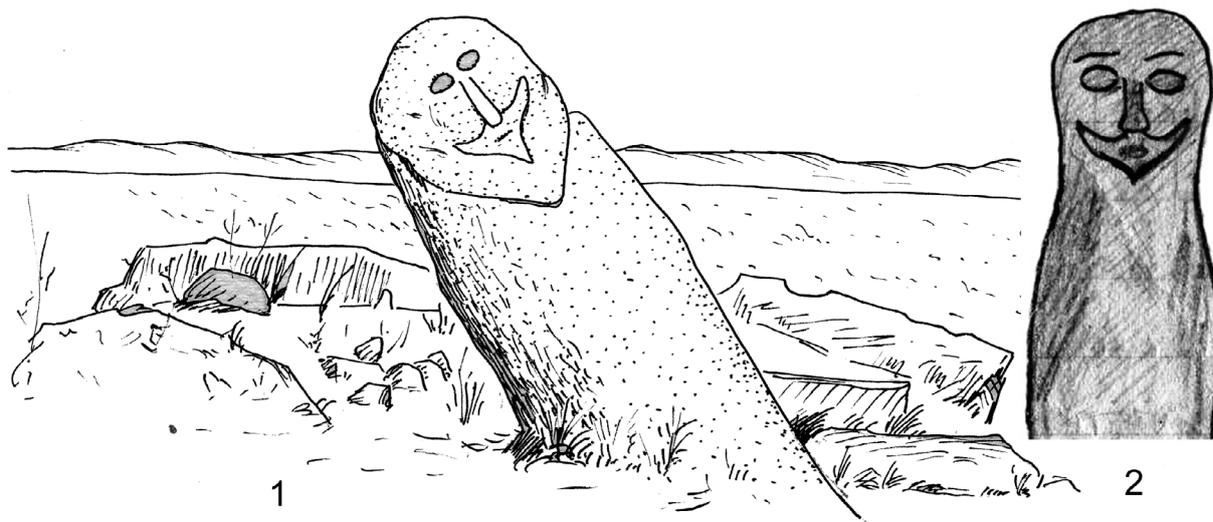

Рис. 3. Погрудное изваяние из Баянаула: 1 – рисунок художника; 2 – схематический рисунок М. К. Кадырбаева
Fig. 3. A head statue from Bayanaul: 1 – a drawing made by a professional artist; 2 – a sketch made by M. K. Kadyrbaev

⁹ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 22; Археологическая карта Казахстана. Реестр... С. 101. № 1338.

¹⁰ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 22. № 21; Л. 23. № 22.

Рис. 4. Поясное изваяние из Баянаула: 1 – рисунок художника; 2 – схематический рисунок М. К. Кадырбаева
Fig. 4. A half-length statue from Bayanaul: 1 – a drawing made by a professional artist; 2 – a sketch made by M. K. Kadyrbayev

Поясное изваяние из Баянаула отличается величиной и тщательностью изготовления. М. К. Кадырбаев указал только длину (высоту вкопанного изваяния?) – 2 м. По поводу ширины и толщины он заметил, что эти размеры немного больше, чем у погрудного изваяния. Рисунок М. К. Кадырбаева имеет отдаленное сходство с оригиналом, хотя схематически передает композицию древнетюркского изваяния, изображающего мужчину с сосудом в правой руке и оружием в левой. В четвертом томе Сочинений А. Х. Маргулана опубликованы фотография и сделанный художником рисунок, которые воспроизводят вид изваяния спереди [Маргулан 2003: ил. 121. 4, 5] (рис. 4).

Судя по фотографии, в области лица имелись повреждения, не воспроизведенные на рисунках. Несмотря на частичные разрушения, очевидно, что детали лица изображены способами, типичными для древнетюркской скульптуры (большие миндалевидные глаза, обведенные валиками век; расширяющийся к основанию нос; загнутые на концах усы; примыкающая к нижней губе бородка в виде вертикальной полоски). Исключение составляет рот, стилизованный наподобие знака бесконечности, хотя аналогичным образом передан рот на древнетюркском изваянии с сосудом и оружием из Карагандинского областного историко-краеведческого музея [Ермоленко 2004: рис. 5, 15].

Обычны и реалии баянаульского изваяния: треугольные отвороты одежды на груди, нагрудное украшение типа кулона (на рисунке М. К. Кадырбаева отсутствует), кубок на ножке, клинковое оружие. Под поясом слева изображены какие-то предметы, которые по-разному переданы на имеющихся рисунках и неотчетливо видны на фотографии, поэтому трудно составить о них определенное представление.

Данное изваяние выделяется не только искусным исполнением и близостью к объемной скульптуре. На фотографиях в работах А. Х. Маргулана 1966 и 2003 г. запечатлен отходящий от изваяния длинный, дуговидно изогнутый ряд довольно крупных камней-балбалов [Маргулан 1966: рис. 3; Маргулан 2003: ил. 121. 2, 3]. В публикации 2003 г. [Маргулан 2003: ил. 121. 1], кроме того, приведен схематичный план, на котором показана (малая) квадратная оградка, ориентированная углами по сторонам света, и стоящее возле ее северо-восточной стенки изваяние. Вереница балбалов (согласно плану, их 40) также направлена на северо-восток.

К сожалению, изваяния, описанные в анализируемом дневнике М. К. Кадырбаева, не попадали в поле зрения современных исследователей, и неизвестно, сохранились ли они до сих пор.

Кроме обследования изваяний, по всей видимости, в этой же долине М. К. Кадырбаев проводил в 1955 г. раскопки менгира. Информация о раскопках сводится к лаконичному сообщению об их результате: «Менгир никаких находок не дал»¹¹.

Изваяние из могильника Ельшибек

В личном архиве М. К. Кадырбаева имелся рисунок древнетюркского изваяния, который был сделан в 1957 г. Казаковым. В 1977 г. Мир Касымович позволил Л. Н. Ермоленко скопировать рисунок (рис. 5) и содержание пояснительной надписи.

Памятник обнаружен в могильнике Ельшибек, который находится на территории Шетского района Карагандинской области. В работе А. Х. Маргулана 1966 г. под фотографией (перемещенного?) изваяния указано его географическое расположение: река Мойынты, урочище Ушкызыл [Маргулан 1966: рис. 17a] (ср. [Маргулан 2003: ил. 53]). В аннотации к рисунку Казакова отмечено, что изваяние стояло возле оградки, и от него отходил ряд балбалов; приведены размеры изваяния: высота (во вкопанном состоянии?) 1,6 м, ширина на уровне плеч 0,40 м, толщина 0,30 м. Судя по рисунку и фотографии из работ А. Х. Маргулана, изваяние представляет собой поясное изображение мужчины с сосудом (?) в правой руке и оружием (?). На лице барельефом воспроизведены брови,

¹¹ Там же. Л. 23.

совмещенные с носом, миндалевидные глаза, слабоизогнутые усы. В кисти правой руки, поднятой почти к подбородку, показан предмет неясной формы, возможно, круглодонная чаша. Ниже правой руки выбиты наклонно направленные неровные барельефные полосы, вызывающие ассоциацию с клинковым оружием. Левая рука не прослеживается.

В конце 1960-х и в первой половине 1970-х гг. М. К. Кадырбаев раскопал в Центральном Казахстане два кургана со стоявшими в их насыпях изваяниями.

Рис. 5. Изваяние из могильника Ельшибек
Fig. 5. A statue from the Elshibek Mound

Курган с изваяниями в урочище Косбеит

Исследован в 1969 г. на левобережье иссякшего притока реки Талды-Нура, в 3 км к северо-западу от фермы Аксу совхоза Нураталды (Шетский район Карагандинской области)¹². Косбеитское сооружение представляло собой курган с земляной насыпью, несколько вытянутой в широтном направлении (размеры: 13,6 × 12,2 м, высота 0,90 м). В насыпи, западнее ее центра, по линии север – юг были установлены два погрудных изваяния, обращенные лицами на восток. Северное изваяние (№ 1) (прим. – нумерация изваяний наша) возвышалось над поверхностью на 0,66 м, южное (№ 2) – на 0,16 м. Размеры изваяний № 1 и № 2 соответственно: 1,26 × 0,33 × 0,27 м и 1,17 × 0,27 × 0,23 м. Оба они сделаны из песчаника. В отчете М. К. Кадырбаева описано только изваяние № 1, отсутствие рисунка которого исследователь объяснил плохой сохранностью вследствие выветривания. На фотографии из личного архива М. К. Кадырбаева, с которой он разрешил Л. Н. Ермоленко в 1977 г. сделать прорисовку, была видна только часть изваяния, возвышавшаяся над поверхностью насыпи (рис. 6).

Верх головы изваяния скруглен, лицо длинное с массивным подбородком (согласно М. К. Кадырбаеву, с бородой), очерченным желобком. Совмещенные брови и нос воспроизведены барельефом, рот – углублением. Отмеченные М. К. Кадырбаевым «впадины глаз» неразличимы на фотографии, а его неуверенное предположение относительно того, что «у левого плеча, как будто прослеживается рельеф чаши»¹³, требует проверки.

Что касается изваяния № 2, то вербальная информация о его внешнем виде – скупая и косвенная, тогда как графической копией мы не располагаем.

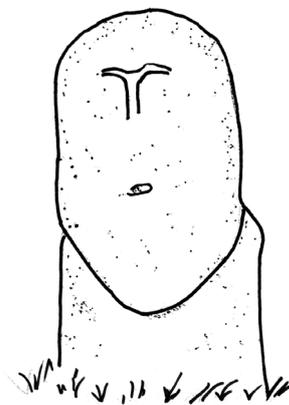

Рис. 6. Изваяние
№ 1 из урочища Косбеит.
Прорисовка с фотографии
Fig. 6. Statue 1 from
the Kosbeit site: a sketch
based on a photograph

¹² Кадырбаев М. К. Древности восточных районов Сары-Арки: отчет. Алма-Ата, 1969. Архив ИА КН МОН РК. Ф. 1. Д. 1108. Л. 47, 48.

¹³ Там же. Л. 47, 48.

По оценке М. К. Кадырбаева, «Это изваяние по технике обработки и скульптурному замыслу очень сходно с первой скульптурой», однако его «голова (прим. – верх головы?) более уплощена», и нет следов изображений на туловищной части¹⁴.

В двух метрах к востоку от изваяния № 1 по линии запад – восток стояли два каменных столбика-балбалы высотой около 1 м. Их заостренные верхушки проступали на поверхности насыпи, а основания были заглублены в погребенную почву на 0,10–0,15 м. Под насыпью, в 0,5 м к югу от ее центральной части (южнее балбалов), обнаружены «череп, трубчатые кости ног и зубы лошади, и два черепа, лопатки и кости ног овец»¹⁵. М. К. Кадырбаев сделал в отчете предположение об очередности устройства основных частей сооружения: сначала были установлены балбалы, затем положены кости животных (прим. – остатки ритуальной трапезы или жертвенная пища?), и, наконец, возведена насыпь, в которую вкопали изваяния.

Прямых аналогий памятнику неизвестно, однако сочетание таких признаков, как отсутствие могилы при наличии изваяний, балбалов и костей животных, позволяет определить сооружение как культовое. В этой связи значимо использование в качестве жертвенных животных лошади и мелкого рогатого скота, которые в традициях разных кочевых народов евразийских степей (по С. А. Арутюнову, «у некоторых тюркских и особенно монгольских народов» [Арутюнов 2011: 13]) считались животными «с горячим дыханием» и поэтому предпочитались в ритуальной практике [Очир-Горяева 2011: 130].

Очевидно, что М. К. Кадырбаев сопоставлял косбеитские изваяния с древнетюркскими, когда пытался распознать барельеф чаши у левого плеча изваяния № 1 (т. е. предполагал изображение человека с сосудом в правой руке) или констатировал отсутствие в композиции изваяния № 2 «рук, пояса, чаши» (пояс не встречается среди атрибутов кыпчакской скульптуры, в отличие от древнетюркской). Однако, на наш взгляд, более оправданно сравнение с кыпчакскими изваяниями и культовыми сооружениями, в которых они устанавливались (святилищами). Так, стилизация глаз и рта углублениями (как и «безглазая» манера воспроизведения человеческого лица) нередки в иконографии погрудных кыпчакских изваяний в противоположность древнетюркским [Ермоленко 2004: табл. 5]. Установка балбалов в связи с кыпчакскими святилищами – исключительный, но зафиксированный факт. Например, элементом кыпчакского святилища, найденного в горах Бегазы, является

ряд из четырех балбалов [Ермоленко 2004: рис. 63, а]. В восточной поле этого каменного курганообразного сооружения почти по линии север – юг установлены три изваяния. Вереница балбалов отходит в восточном направлении от крайнего с юга изваяния. Если бегазинский памятник относится к четвертому типу кыпчакских святилищ (аиршокинскому), то расположение косбеитских изваяний внешне более соответствует таковому в святилищах первого (мыржикского) типа¹⁶ [Ермоленко 2004: 34, 37; Касенова 2020: 64]. При всем при этом сравнивать земляное косбеитское сооружение с известными науке кыпчакскими святилищами, в конструкциях которых использован камень, проблематично.

Курган с изваянием в могильнике Тагибай-Булак (Баянаульский район Павлодарской области)

Раскопан в 1974 г. Насыпь имела в плане округлую форму, ее диаметр составлял 6 м, высота – около 0,40 м. В восточной поле кургана стояло изваяние, обращенное лицом на восток. Судя по чертежу, под насыпью кургана ничего не обнаружено. К сожалению, в отчетных материалах за 1974 г. информация о памятнике Тагибай-Булак отсутствует. Данные взяты из личного архива Л. Н. Ермоленко, которой М. К. Кадырбаев в 1977 г. предоставил возможность сделать копию плана кургана (рис. 7).

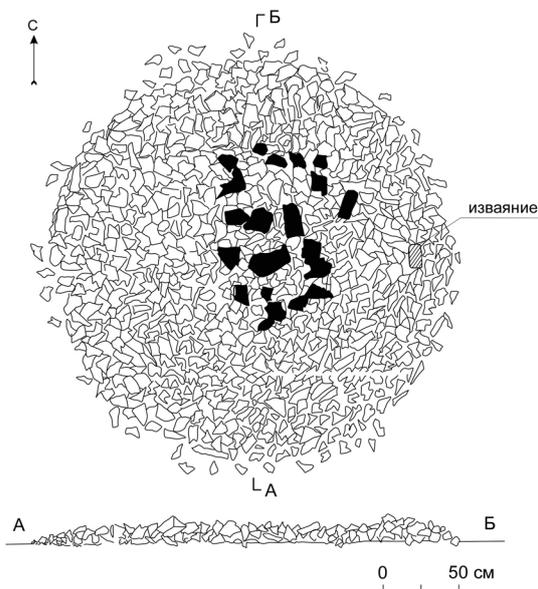

Рис. 7. План и разрез кургана с изваянием в могильнике Тагибай-Булак
Fig. 7. Plan and profile drawings of the Tagibai-Bulak mound

¹⁴ Там же. Л. 48.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Здесь и далее номера типов святилищ даны согласно типологии Л. Н. Ермоленко, названия типов – по А. Д. Касеновой.

Фотография тагибай-булакского изваяния, стоящего на кургане, опубликована в четвертом томе Сочинений А. Х. Маргулана [Маргулан 2003: ил. 126].

Изваяние являет собой погрудное изображение человека. На лице барельефом воспроизведены брови и нос, глаза переданы щелями, рот – углублением. Способы изображения деталей лица этого изваяния типичны для кыпчакских изваяний. Сужающийся анфас верх головы, возможно, обобщенно передает форму головного убора. Нижние очертания лица охватывает рельефная полоса наподобие опоясывающего шею пышного воротника или нижней части головного убора с вырезом для лица типа казахского кимешек. Тагибай-булакское сооружение с изваянием может быть отнесено к четвертому (аиршокинскому) типу кыпчакских святилищ [Ермоленко 2004: 37].

Изваяние в долине Аксай

В 1979 г. М. К. Кадырбаевым в долине Аксай было впервые проведено документирование самого большого в Сарыарке древнего изваяния [Маргулан 2003: ил. 8.1–8.3], которое известно в литературе под названиями *атасуская красавица*, *Акбикеш*. Архитектором Н. С. Гецовой сделан технический рисунок изваяния в трех проекциях (рис. 8).

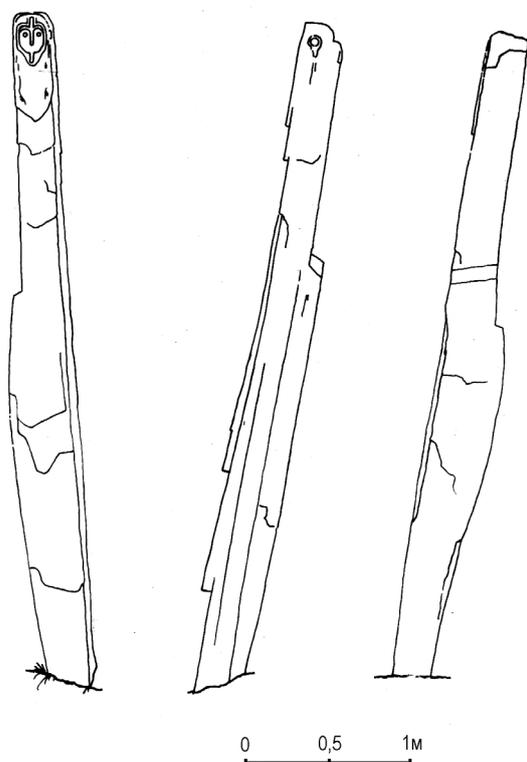

Рис. 8. Изваяние из долины Аксай. Рисунок Н. С. Гецовой
Fig. 8. A statue from the Aksai valley: a sketch made by N. S. Getsova

М. К. Кадырбаев не успел опубликовать уникальный памятник, обладающий признаком оленного камня (круги на боковых гранях) и особенной стилизацией деталей лица (круглые глаза; слитный барельеф носа, бровей и «отростка», отходящего вверх от места соединения бровей; «отросток», отходящий вниз от подбородка, находящийся на одной линии с носом и верхним «отростком»). Авторы данной статьи обратили внимание на то, что в долине Аксай наряду с данным гигантским изваянием обнаружены древние антропоморфные изваяния, также выделяющиеся большими размерами [Ермоленко и др. 2021: 19].

Изваяния, изученные ЦКАЭ под руководством М. К. Кадырбаева

В 1978 г. Центрально-Казахстанской экспедицией, возглавляемой М. К. Кадырбаевым, раскопано каменное курганообразное сооружение с антропоморфными стелами в долине р. Атасу, в 1 км к западу от урочища Ак-Мустафа, на территории современного Жанааркинского района Карагандинской области [Ермоленко 1987: 105–107; 2004: 37]. Раскопками установлен факт предварительного выравнивания участка на склоне сопки и трехслойная структура насыпи, обеспечивавшая ее устойчивость. Памятник соответствует характеристикам четвертого (аиршокинского) типа кыпчакских святилищ.

В 1978–1979 гг. отрядом ЦКАЭ близ зимовки Аблай у подножья горы Тунгатар в Каркаралинском районе Карагандинской области было впервые исследовано комплексное кыпчакское святилище второго (аблайского типа), состоящее из двух сооружений, в одном из которых стояли изваяния [Ермоленко 2004: 37; Ермоленко и др. 1985: 137–141]. Раскопки производились при участии ленинградского архитектора Н. С. Гецовой, приглашенной М. К. Кадырбаевым. Ею была выполнена графическая реконструкция, на которой каменное сооружение с изваяниями представлено перекрытым земляной насыпью [Ермоленко и др. 1985: рис. 10] (рис. 9).

Последующие раскопки подтвердили правильность реконструкции применительно к «скрытым» кыпчакским святилищам другого (первого, мыржикского) типа [Ермоленко 2004: 34, 36, 37]. Это обстоятельство представляется значимым в связи с обсуждением проблемы скрытых половецких святилищ в современной литературе.

Аналогии между кыпчакскими и половецкими святилищами, в том числе между скрытыми кыпчакскими святилищами и половецкими святилищами-ямами, провела Л. Н. Ермоленко [Ермоленко 1994: 159; Ермоленко 2004: 65]. Святилища-ямы, согласно С. В. Гуркину, выделяющему этот тип памятников, представляют собой ямы с вертикально установленными в них изваяниями (по преимуществу деревянными), впущенные

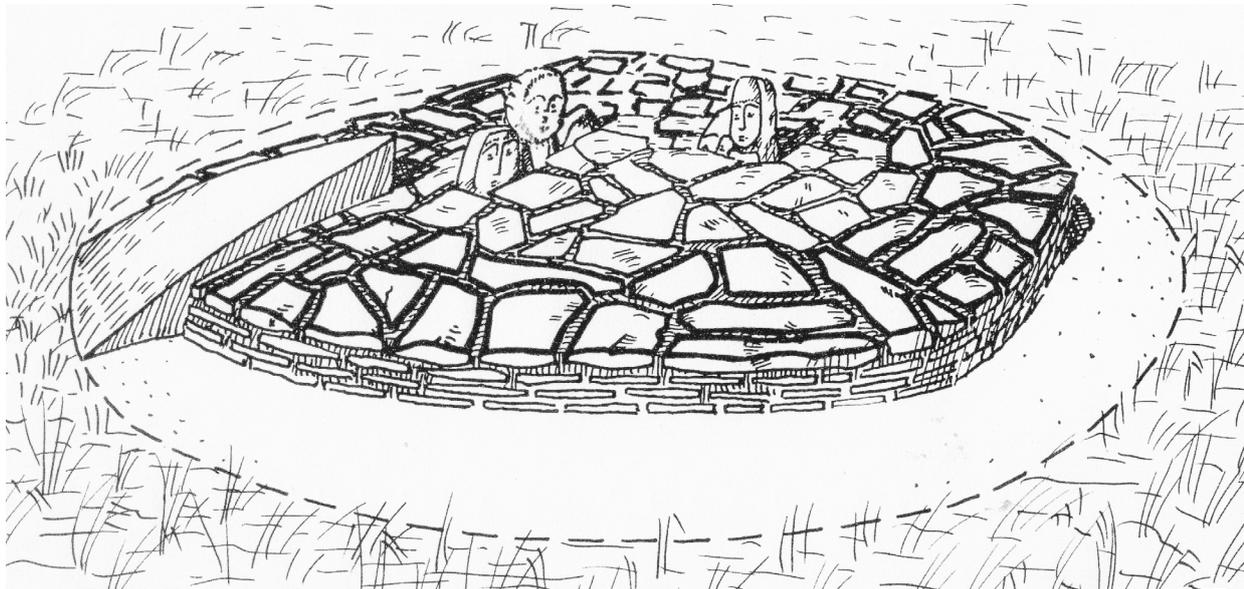

Рис. 9. Кыпчакское святилище Аблай. Реконструкция Н. С. Гецовой
Fig. 9. A Qipqac shrine at the Ablai site: reconstruction sketched by N. S. Getsova

в насыпи курганов других эпох [Гуркин 1987: 107; 1998: 32]. Исследователь считал святилища на курганах и святилища-ямы одновременными, но сооружавшимися на разных этапах поминального обряда, соответственно, начальном и конечном – этапе проводов души умершего, которая обреталась в изваянии [Гуркин 1998: 33, 35, 36].

У подхода С. В. Гуркина имеются сторонники, в частности Ю. К. Гугуев [Гугуев 2017: 246–250], и оппоненты (С. А. Плетнева, Е. И. Нарожный), связывающие феномен скрытых в курганах объектов культа с поздним периодом истории половцев. С. А. Плетнева датировала появление скрытых половецких святилищ временем после похода Джэбэ и Субэдэя, а модификацию обряда объяснила стремлением половцев обеспечить сохранность святынь [Плетнева 1990: 174]. Е. И. Нарожный придерживается мнения, что «скрытые половецкие изваяния и святилища», определяемые им как ритуальные «захоронения» святынь отжившего культа, не следует выделять в качестве типа «половецких культовых памятников» [Нарожный 2003: 251]. Исследователь делит объекты, содержащие «захороненные» изваяния, на две группы, исходя из положения изваяний – вертикального или горизонтального [Нарожный 2003: 252; 2013: 59, 60]. В работах Е. И. Нарожного указываются разные даты распространения – XIV в. [Нарожный 2003: 270], «гораздо ранее» периода второй половины XIII – XIV в. [Березин, Нарожный 2022: 41]. Ю. К. Гугуев, не поддерживающий позиции С. А. Плетневой, критически отнесся к интерпретации и датировке святилищ-ям, предложенным Е. И. Нарожным [Гугуев 2017: 248, 249, 252, 253].

Следует заметить, что поздней датировке скрытых половецких святилищ (святилищ-ям) противоречит тот факт, что скрытые святилища с установленными (не уложенными!) в них изваяниями, найденные в западном регионе азиатских степей, были разновидностью более ранних, по сравнению с половецкими, кыпчакских святилищ.

Кыпчаки, в отличие от половцев, не использовали под святилища курганы, оставленные прежним населением. Архитектура скрытых кыпчакских святилищ свидетельствует о том, что они проектировались именно как скрытые. Об этом, в частности, свидетельствует то, что мощные стены четырехугольной каменной ограды, образующие камеру, в которой стояли изваяния (святилища первого, мыржикского типа), не имели прохода.

Идентичные кыпчакским изваяния (типы I и VI по С. А. Плетневой) обнаружены преимущественно в междуречье Дона и Северского Донца [Гераськова 1991: рис. 12, 14]. С. А. Плетнева считала их ранними половецкими [Плетнева 1974: 69], Л. С. Гераськова – печенежскими [Гераськова 1991: 78], однако несостоятельность культурно-хронологического определения Л. С. Гераськовой доказана М. В. Квитницким [Квитницкий 2015: 290].

Представляется, однако, что это были изваяния пришедших с востока кыпчаков, у которых существовала традиция возводить для изваяний разнообразные сооружения (в том числе перекрытые насыпью), названные святилищами по аналогии с половецкими. К сожалению, мы не располагаем сведениями о сооружениях,

в контексте которых были найдены изваяния I и VI типов. В каталоге С. А. Плетневой содержатся рисунки и описания по меньшей мере дюжины таких статуй [Плетнева 1974: кат. 150, 251, 264–267, 276, 333, 910, 926, 928, 1297], но скупые сведения сообщаются только об условиях находки трех из них: все они были «сняты» с одного «распаханного кургана» [Плетнева 1974: 84–85, кат. 265–267].

Кроме раскопок сооружений с изваяниями сотрудниками ЦКАЭ, руководимой М. К. Кадырбаевым, в 1977 г. были найдены два изваяния. Одно из них обнаружено архитектором А. С. Нуркабаевым в северо-восточной части могильника Атасу возле кургана с «усами» (каменными грядами). Сначала изваяние было атрибутировано как древнетюркское [Ермоленко 2004: 82], но впоследствии признано памятником раннего железного века [Ермоленко и др. 2015: 29, рис. 5]. Курган с «усами», которому был присвоен индекс Атасу-2, был исследован в 2015 г. под руководством А. З. Бейсенова, а найденные в двух ямах вещи датированы серединой – второй половиной V в. Авторы статьи о раскопках памятника, отметив нерешенность вопроса о нахождении вещей в кургане с «усами», указали, что неоднократные находки изваяний сакской эпохи в контексте курганов с «усами» нуждаются в толковании, но пока для этого недостаточно данных [Бейсенов и др. 2018: 111, 112].

Обломок головы изваяния был найден А. С. Загородним на могильнике Мыржик, среди камней насыпи поздней казахской могилы [Ермоленко 2004: рис. 17, 34]. Обломанная голова – фрагмент утраченной древнетюркской скульптуры – свидетельствует о высоком уровне развития камнерезного искусства.

Заключение

На протяжении практически всей своей деятельности в составе ЦКАЭ и во главе этой экспедиции М. К. Кадырбаеву доводилось изучать памятники монументальной скульптуры разных эпох. Можно констатировать, что в период его руководства ЦКАЭ исследование изваяний и сопряженных с ними сооружений, хотя и осуществлявшееся спорадически, было одним из направлений работ экспедиции. Введенные авторами данной статьи в научный оборот памятники, ранее неопубликованные либо представленные в публикациях рисунками и / или нечеткими фотографиями, не сопровождающимися описаниями в тексте, пополнили корпус каменных изваяний разных эпох (сакской, древнетюркской, кыпчакской), выявленных до сих пор в Казахском мелкосопочнике. Документированные М. К. Кадырбаевым в прошлом веке изваяния в большинстве случаев без затруднений дифференцируются по морфологическим и иконографическим признакам. Предложенная авторами настоящей статьи культурно-

хронологическая атрибуция памятников учитывала, кроме изобразительных характеристик изваяний, конструктивные особенности сооружений, в составе которых они находились. Почти всем сооружениям обнаружены соответствия в опубликованных материалах. Исключение составило сооружение из урочища Косбеит, не имеющее типологических аналогий. Если верно предположительное соотнесение изваяний из Косбеита с кыпчакскими, то само курганообразное сооружение может оказаться «земляной» разновидностью святилищ. Проведенные аналогии с новыми материалами и экскурсии в отдельные проблемы современного изучения скульптуры древних и средневековых кочевников Евразии, предпринятые при рассмотрении памятников, документально зафиксированных в 1950–1970-х гг., явились попыткой использования этих источников в исследовательском процессе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. Н. Ермоленко сформулировала концепцию статьи, проанализировала публикуемые материалы в аспекте современных проблем, сгенерировала текст из частей, выполненных всеми авторами. А. Д. Касенова и Ж. К. Курманкулов (в равных долях) сделали научное описание публикуемых памятников и произвели их культурно-хронологическую атрибуцию.

Contribution: L. N. Ermolenko developed the research concept, analyzed the materials, and compiled the manuscript. A. D. Kasenova and Zh. K. Kurmankulov described the archeological sites and conducted their cultural and chronological attribution.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR 11765630 по теме «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников».

Funding: This research was part of supported by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan as part of project no BR11765630: Cultural genesis in the Kazakh steppe: new paradigms for the problems of studying the continuity of the material and spiritual heritage based on archaeological sources.

Литература / References

- Арутюнов С. А. О культе быка и барана на Кавказе и связанных с ним регионах. *Известия СОИГСИ*. 2011. № 5. С. 5–18. [Arutyunov S. A. About a cult of bull and ram in the Caucasus and related regions. *Izvestiya SOIGSI*, 2011, (5): 5–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mtbpvr>
- Бедельбаева М. В. «Рыцарь без страха и упрека» (к 110-летию со дня рождения С. С. Черникова). *Археология Казахстана*. 2019. № 3. С. 46–61. [Bedelbayeva M. V. "Knight without fear and reproach" (to the 110th anniversary of birth of Sergei Chernikov). *Kazakhstan Archeology*, 2019, (3): 46–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52967/akz2019.3.5.46.61>
- Бейсенов А. З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан). *Самарский научный вестник*. 2016. № 1. С. 84–93. [Beisenov A. Z. Dromos burials of the Saka time in the Nazar site (Central Kazakhstan). *Samara Journal of Science*, 2016, (1): 84–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vpmkzl>
- Бейсенов А. З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас. *Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии*, отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 261–277. [Beisenov A. Z. Tasmola kurgan with stone sculptures in the Kyzylzhartas burial ground. *Creator of culture. Material culture and human spiritual space in the light of archaeology, history, and ethnography*, ed. Smirnov N. Yu. St. Petersburg: IHMC RAS, 2021a: 261–277. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-22-4.261-277>
- Бейсенов А. З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан. *Уфимский археологический вестник*. 2021b. Т. 21. № 1. С. 33–41. [Beisenov A. Z. The stone sculpture of the Tasmola culture from Aumagam valley in Central Kazakhstan. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, 2021b, 21(1): 33–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.003>
- Бейсенов А. З., Бедельбаева М. В., Хабдулина М. К., Самашев З. С., Ермолаева А. С., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Лукпанова Я. А., Курманкулов Ж. К., Утубаев Ж. Р., Алтынбекова Э. К. Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с. [Beisenov A. Z., Bedelbayeva M. V., Khabdulina M. K., Samashev Z. S., Ermolaeva A. S., Dzhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., Lukpanova Ya. A., Kurmankulov Zh. K., Utubaev Zh. R., Altynbekova E. K. *Kazakhstan in the Saka period*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute Archaeology, 2017, 228. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/y1frvd>
- Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-3. С. 34–40. [Beisenov A. Z., Ermolenko L. N. New stone statues of the Saca period from Saryarka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 34–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcewvv>
- Бейсенов А. З., Касеналин А. Е. Тасмолинский могильник Кызылшилик. *Теория и практика археологических исследований*. 2018. № 4. С. 85–100. [Beisenov A. Z., Kassenalin A. E. Kyzylshilik burial ground of the Tasmola culture. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2018, (4): 85–100. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)4\(24\)-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)4(24)-08)
- Бейсенов А. З., Торгоев А. И., Дуйсенбай Д. Б., Ахияров И. К. Курган с «усами» Атасу-2. *Поволжская археология*. 2018. № 3. С. 103–117. [Beisenov A. Z., Torgoev A. I., Duysenbay D. B., Akhiyarov I. K. The mound with "mustaches" Atasu-2. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2018, (3): 103–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.103.117>
- Березин Я. Б., Нарожный Е. И. Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII–XIV вв.). *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 1. С. 32–46. [Berezin Ya. B., Narozhny E. I. A new burial find of a Polovtsian stone statue in the Stavropol region (from the second half of thirteenth to fourteenth century). *Zolotoordynskoe Obozrenie*, 2022, 10(1): 32–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.32-46>
- Гераськова Л. С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ: Наукова думка, 1991. 132 с. [Geraskova L. S. *Sculpture of the medieval nomads of the steppe of Eastern Europe*. Kiev: Naukova dumka, 1991, 132. (In Ukr.)]
- Гугуев Ю. К. О палеоэтнографическом подходе к изучению половецких святилищ и статуй. *Новое прошлое*. 2017. № 4. С. 244–257. [Guguev Yu. K. On the paleo-ethnographic approach to the study of Polovtsian sanctuaries and statues. *The New Past*, 2017, (4): 244–257. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2017-4-244-257>
- Гуркин С. В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону. *Советская археология*. 1987. № 4. С. 100–109. [Gurkin S. V. Polovtsian sanctuaries with wooden statues on the Lower Don. *Sovetskaia arkheologiya*, 1987, (4): 100–109. (In Russ.)]
- Гуркин С. В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. *Донская археология*. 1998. № 1. С. 29–37. [Gurkin S. V. Sanctuaries of the Polovtsian period with wooden statues from the excavations of Volga-Don expedition. *Donskaia arkheologiya*, 1998, (1): 29–37. (In Russ.)]

- Ермоленко Л. Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями. *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тыс. н. э.*, отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 157–165. [Ermolenko L. N. Semantics of medieval nomadic sanctuaries with statues hidden in embankments. *Ethnocultural processes in South Siberia and Central Asia in the 1st–2nd millennia AD*, ed. A. M. Ilyushin. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994, 157–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yozrdn>
- Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с. [Ermolenko L. N. *Medieval stone statues of the Kazakhstan steppes (typology, semantics in terms of military ideology and traditional worldview)*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2004, 132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qouvtj>
- Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу. *Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана*, отв. ред. В. В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1987. С. 102–108. [Ermolenko L. N. Medieval stone statues from the upper reaches of the Atasu River. *Issues of periodization of archaeological sites in Central and Northern Kazakhstan*, ed. Evdokimov V. V. Karaganda: KarSU, 1987, 102–108. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqdpzv>
- Ермоленко Л. Н., Гецова Н. С., Курманкулов Ж. К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана. *Проблемы охраны археологических памятников Сибири*, отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–161. [Ermolenko L. N., Getsova N. S., Kurmankulov Zh. K. A new type of structures with statues from Central Kazakhstan. *Problems of protection of archaeological sites in Siberia*, eds. Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. Novosibirsk: Nauka, 1985, 137–160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xvvlnp>
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Бородка в иконографии древнетюркских изваяний. *Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии*, отв. ред. О. С. Советова, Г. Г. Король. М.-Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 97–109. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. Goatee in the iconography of the ancient Turkic statues. *Depictive and technological traditions in the art of Northern and Central Asia*, eds. Sovetova O. S., Korol G. G. Moscow-Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 97–109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qiruxz>
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Комплекс Аксай-1 (к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней Центрального Казахстана). *Нации и религии Евразии*. 2021. № 3. С. 7–23. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. The Aksai-1 complex (to the studying of ancient anthropomorphic statues and deer stones of Central Kazakhstan). *Nations and religions of Eurasia*, 2021, (3): 7–23. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)3-01](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)3-01)
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*: Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 129–135. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. Some results of studying early Iron Age statues from Saryarka. *Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 129–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbhrof>
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-3. С. 26–32. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. New data on a specific kind of Saka period statues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 26–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tolbqx>
- Касенова А. Д. Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 196 с. [Kasenova A. D. *Stone statues of Saryarka (history of study)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute Archaeology, 2020, 196. (In Russ.)]
- Квитницкий М. В. Происхождение и пути миграции половцев в Северное Причерноморье по данным археологических источников. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. № 6. С. 277–304. [Kvitnytskyi M. V. The origin and migration routes of Cumans in the Northern Black Sea by archaeological sources. *Stratum plus*, 2015, (6): 277–304. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vikllx>
- Максимова А. Г. Воспоминания о Мире Касымовиче Кадырбаеве. *Вопросы археологии Казахстана*. Алматы-Москва: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 10. [Maksimova A. G. Remembering Mir Kasymovich Kadyrbaev. *Problems of Kazakhstan archaeology*. Almaty-Moscow: Gylym, 1998, iss. 2, 10. (In Russ.)]
- Маргулан А. Х. Каменные изваяния Улытау. In: Маргулан А. Х. *Сочинения*. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3–4. С. 36–136. [Margulan A. Kh. Stone statues of Ulytau. In: Margulan A. Kh. *Works*. Almaty: Dayk-Press, 2003, vol. 3–4, 36–136. (In Kazakh, Russ.)]

- Марғұлан Ә. Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер. *Ежелгі мәдениет куәлары*, под ред. А. Х. Марғұлана. Алматы: Қазақстан баспасы, 1966. Бет. 8–22. [Margulan A. Kh. Stone sculptures in the Ulytau area. *Witnesses of ancient culture*, ed. Margulan A. Kh. Alma-Ata: Kazakhstan, 1966, 8–22. (In Kazakh)]
- Марғұлан А. Х., Акишев А. К., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алматы: Наука, 1966. 435 с. [Margulan A. Kh., Akishev A. K., Kadyrbaev M. K., Orazbaev A. M. *Ancient culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka, 1966, 435. (In Russ.)]
- Нарожный Е. И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона. *Стены Европы в эпоху Средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время*, ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 245–274. [Narozhny E. I. Polovtsian shrines of XIII–XIV centuries: North Caucasus and the Don. *Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 3. Polovtsian-Golden Horde time*, ed. Evglevskii A. V. Donetsk: DonNU, 2003, 245–274. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iuwtvb>
- Нарожный Е. И. Половцы Северного Кавказа (Некоторые итоги и перспективы изучения). *Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...)*, сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2013. С. 48–76. [Narozhny E. I. Kumans of North Caucasus (Some outputs and perspective of studying). *Turkic Nomads of Eurasia: Kimaks, Kipchaks, Cumans...*, comp. and ed. Zagidullin I. K. Kazan: Ikhlas, 2013, 48–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbkyof>
- Очир-Горяева М. А. О значении коня и овцы в обрядовой культуре кочевников. *Монголоведение*. 2011. № 5. С. 126–138. [Ochir-Gorjaeva M. A. About Semantics of horse and sheep in ceremonial culture of nomads. *Mongolian Studies*, 2011, (5): 126–138. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/puzhgv>
- Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. [Pletneva S. A. *Cuman stone sculptures*. Moscow: Nauka, 1974, 200. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wlotcl>
- Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с. [Pletneva S. A. *Kumans*. Moscow: Nauka, 1990, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtubfh>
- Рогожинский А. Е. Олений камень из Семиречья. *История и археология Семиречья*, отв. ред. Ю. А. Мотов. Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. Вып. 2. 124–130. [Rogozhinsky A. E. Deer stone from Semirechye. *History and archaeology of Semirechye*, ed. A. Yu. Motov. Almaty: Fond "Rodnichok"; Fond "XXI vek", 2001, iss. 2, 124–130. (In Russ.)]